

Известия - 1997 - 22 апр. - с. 8

Раймонд Паулс впал в детство и не хочет оттуда уходить

Почти каждые выходные Раймонд Паулс, советник президента Латвии по культуре, садится за руль своего служебного автомобиля — собственным авто не обзавелся — и едет за 150 километров от Риги. Несколько лет назад друзья уговорили его купить в деревне заброшенную двухэтажную школу: у Раймонда появилась, как он выразился, «завиравшая идея» — создать там летнюю музыкальную школу, где прежде всего отдыхала бы и проводила свои занятия и репетиции любимая его сердцу «Дзегузите» — «Кукушечка».

В творчестве Р.Паулса бывали разные периоды. То он увлекался джазом, то чуть ли не с головой уходил в концертную деятельность, то не отходил от рояля, показывая чудеса виртуозного владения инструментом, то заоем писал эстрадные песни, мгновенно становившиеся шлягерами советской эстрады, то сочинял музыку к кинофильмам, то бросался в политику... Увлечения исчезали и появлялись, но неизменной страстью оставалась... «Кукушечка». Более пятнадцати лет он дружит с этим детским ансамблем, чью заборную песенку «Бабушка рядышком с дедушкой» когда-то распевала вся страна.

— Друзья шутят: «Ты, Раймонд, впал в детство и не хочешь оттуда выходить». Я счастлив, что столько лет сотрудничаю с «Кукушечкой». Иногда мне кажется, что не я им даю свои знания, опыт, а они прежде всего учат меня жизни, заряжают творческим и светлым настроением.

— Как в таком случае вы преодолеваете возрастной барьер? Малыши ведь взрослеют. Тот эффект, который производил когда-то веснушчатый мальчуган, увлеченно мотавший головой в такт «бабушке с дедушкой», исчез. «Кукушечка» уже другая?

— Да, это проблема. Меняются голос, манеры, поведение — природа берет свое. И все же самая большая проблема — не в этом росте, а в чрезмерной коммерциализации детского творчества. Менеджеры, продюсеры, родители, рекламодатели, журналисты любой ценой хотят сделать из них взрослых, сотворить шоу, заработать деньги. Такой подход мне претит. Дети должны оставаться детьми. Их нужно пока учить искусству пения и музыке, а не технике шоу-бизнеса. И хотя в «Кукушечке» все те же лица, пусть и повзрослевшие, она уже, конечно, совсем другая.

— Меняется ее фирменный стиль?

— В некотором роде да. Нам, откровенно говоря, надоело однообразие концертов. Мы собираемся ставить театральные спектакли. Я написал мюзикл «Дикие лебеди».

для профессионального театра, но затем сделал детский вариант — для «Кукушечки». А совсем недавно закончил записывать диск, на мой взгляд, очень удачный — из песен на темы диснеевских мультфильмов. Сегодня я пишу в основном для детей, для ансамбля.

— Песни, стало быть, совсем забросили? А как же новые «Миллион алых роз», «Маэстро», «Старинные часы»?

— Это в прошлом. Пишу для «Кукушечки» и выступаю как пианист. Правда, несколько песен все же написал для Лаймы Вайкуле, но в целом на шлягерах поставил крест. Эпоха Аллы Пугачевой прошла, несмотря на все ее очарование. Возврата к былому нет. Может, с годами вновь вернусь к песням, но это будут совсем другие песни. Мне становится скучно, неинтересно — и я ухожу. Разумеется, прошлое из памяти не вычеркиваю, в нем было столько хорошего, светлого, поучительного.

— Неужели к вам не обращаются российские певцы с просьбами написать песню, сотрудничать, ведь это гарантировало бы им успех?

— В современной эстраде, как я все больше убеждаюсь, успех гарантирует совсем иное: деньги, протекция. Как это?... Раскрутка. Я вовремя ушел из этого «огорода» и возвращаюсь туда не намерен. Я не вписываюсь в эти мелодийки, в эти сверхдорогие, красочные клипы, в антураж, где мало настоящей музыки и много техники. Мне больно смотреть российские музыкальные телепрограммы. Редко услышишь хорошие песни. Впрочем, в Латвии ситуация не лучше. Та же, как в России говорят, тусовка. Грустно. Я им не нужен, они — мне. Те, кто действительно талантлив, вынуждены подчиняться общим правилам игры. Так что увольте, участвовать в этом «процессе» нет никакого желания.

— А музыку к фильмам продолжаете писать?

— Также прошлый этап. Да и к каким фильмам? Не писать же музыку к какой-либо «чернухе» или аляповатой комедии? Ценю себя гораздо дороже. Не в смысле де-

нег, а репутации. К чему бы вернулся, так это к джазу. С 60-х годов он моя постоянная страсть, хотя, скажем, я никогда не выступал на джазовых фестивалях, конкурсах. Сейчас, например, работаю над музыкальными произведениями по мотивам американского композитора Джорджа Гершвина, кстати, бывшего одессита. Буду исполнять его на концертах. Тут уж дам волю своей импровизационной фантазии, без чего, как известно, джаз пуст.

— Итак, песни вы почти не пишете, вашу музыку к кинофильмам мы тоже не услышим. На сцене-то хоть можно видеть маэстро за роялем?

— Редко. Два раза в месяц. Мог бы, конечно, чаще. Мог бы, к примеру, до сего времени ездить с гастрольями по России, срывать аплодисменты, зарабатывать кучу денег. Судя по тому, как меня встречали в Москве во время моих юбилейных выступлений, успех был бы гарантирован.

— Так за чем же дело стало? Вы не производите впечатления бесребреника, человека, которому не нужны деньги...

— Деньги мне нужны потому, что они дают свободу действий. Это единственное, поверьте, их достоинство. Но когда ты стоишь перед выбором, заработать большие деньги и при этом должен неизбежно перед кем-то унижаться, то выбираешь предельно простую форму поведения — не участвовать.

Мне нередко предлагали: Раймонд, ничего не надо делать, просто выйди к роялю, сыграй пяток минут, поклонись и уйди. Зато какие деньги! Всегда отказываюсь. Знаю, что это такое. Года два-три назад мой денежный вклад, довольно крупный, пропал в разорившихся латвийских банках. Одно время пришлось поучаствовать в нескольких презентациях — хуже зубной боли. Сейчас живу за счет концертов и участия в некоторых интересных программах. Мне не платят ни копейки за старые песни, которые, как я слышу, всюду распевают российские певцы. Выходит, например, диск В.Леонова с моими старыми песнями — где, что, сколько, почему? Ничего не знаю, никто меня не информирует. Так что не в деньгах счастье, вернее, не в их количестве. Для человека трудолюбивого, а я себя отношу к их числу, свобода действий порождает и свободу творчества.

— В таком случае как же вы, человек с острым чувством собственного достоинства, независимо-

Паулс до сих пор востребован в СНГ.

стью во взглядах, решили пойти в большую политику, где эти человеческие качества не всегда, мягко говоря, в чести?

— Наверно, хотел доказать, что и в политике можно быть «негущимся» министром культуры. Помоему, главную роль сыграло чувство ответственности. Не люблю опаздывать, стараюсь выполнять обещанное, меня даже иногда обвиняют в педантизме. В конце 80-х годов, в эпоху Народного фронта, в кресло министра культуры должен был прийти человек известный, с именем. Пошел в министры сознательно, хотя разом ослабевали все мои творческие связи, и я в перспективе, чего доброго, мог оказаться в положении позабытого-похорошенного. Сумел выдержать на этом посту целых пять лет. Нисколько не жалею, что в жизни был такой этап.

Правда, нажил себе множество врагов, так как проводил реформы. В частности, реформировал латвийские театры, часть из которых просто паразитировала на государстве, ничего не давая ни уму, ни сердцу зрителей. Реконструировал Оперу. Отреставрировал министерство культуры, которое, увы, после ремонта пришлось отдать российскому посольству в Риге. Оказалось, здание было собственностью СССР еще с 20-х годов. Одним словом, сделал что-то полезное для латвийской культуры. В конечном счете нервы не выдержали, и я ушел, что называется, по собственному желанию.

— Но спустя буквально два-три дня вы все же согласились работать советником по культуре президента Гунтиса Улманиса. Что так?

— Откровенно говоря, после ухода с поста министра я был в разобранном состоянии. Чувствовал себя никому не нужным. Иногда возникала мысль: зачем тебе нужны были эти пять лет борьбы за возрождение латвийской культуры? Ездил бы себе по бывшему СССР с гастрольями — и никаких тебе осложнений. Заработал бы свои деньги, купил бы, как некоторые мои коллеги, дом в Майами — что в этом плохого? Предложение президента меня ободрило. Я его принял.

— Вы никак не вмещаетесь в

привычный образ человека творческого. Не мешает ли эта зажатость и дисциплинированность творчеству?

— Почему зажатость? Не люблю широких, но пустых жестов, разухабистости, невоспитанности. Да, я стараюсь приходить вовремя на все встречи. Но это не значит, что я не умею внутренне раскрепощаться. Как правило, я сочиняю музыку дома. При этом неважно, плохая ли погода за окном, орет ли телевизор в комнате жены, шумят ли гости. Если я настроился на работу, то буду работать до конца. Так уж распорядились мои родители-лютеране. Если бы был расчетливым, всюду искал выгоду, то, поверьте, не стал бы заниматься с «Кукушечкой», приводить в порядок заброшенную сельскую школу, превращая ее в центр музыкального образования.

Моя рямальская дача сгорела, поджег какой-то негодяй. В загородном доме и рижской квартире много сделано своими руками. Так что я человек практичный. Когда дома все в порядке, то и работает лучше.

— Вы остались с женой одни?

— Дочь с мужем-иностранцем живет в Санкт-Петербурге, работает в авиакомпании SAS, подрабатывает в латвийском консульстве. Вероятно, «Кукушечка» компенсирует чувство «пензионерского» одиночества, мне с ними легко и радостно. И вообще мне грех жаловаться на судьбу. Все эти 60 лет она была ко мне благосклонной. Верю в судьбу, но не забываю, что мы ее самые главные строители. Как правило, я планирую свою творческую жизнь примерно на полгода: концерты, выступления, музыкальные проекты. Летом поеду с президентом и «Кукушечкой» в Краснорский край, где президент подростком был в ссылке. Дадим концерты. Летом будет премьера детского музыкального спектакля. А там, глядишь, появятся новые интересы, новые повороты судьбы и новые песни. Так что все лучшее еще впереди. «Кукушечка» еще не раз накукует мне удачу.

Николай ЛАШКЕВИЧ,
«Известия».

РИГА.